

Сергей Кара-Мурза

КТО НАМИ ПРАВИТ?

Анатомия российской элиты

Разговор об элите затруднен многими деликатными моментами. Может быть, в других, более прагматических культурах эта тема обсуждается холодно, разумно и эффективно, но мы-то живем не в других культурах, а в нашей. Подрывать устои нашей культуры – Боже, упаси. Но некоторая модернизация требуется.

Я выскажу свои соображения на уровне здравого смысла, не прибегая к западным теориям стратификации общества и, в частности, теориям элит. Скорее всего, я эти теории плохо знаю, и поэтому они мне кажутся далекими от нашей реальности. Хотя, конечно, в любой даже негодной теории есть кое-какое рациональное зерно.

Почему трудно у нас говорить об элите, даже как-то неприлично?

Я думаю, по двум причинам. О первой много говорил Достоевский – слишком близко к сердцу у нас было принято христианское утверждение всечеловечности. Все люди братья, за всех в равной степени Христос пошел на крест. На этом фоне, конечно, те признаки, по которым выделяется элита, - мелочь. Они существуют, в земной жизни играют роль одного из бесчисленных социальных параметров, но это проблема быта, а не бытия. Суета сует в плоскости всяческой суеты.

Надо заметить, что идея всечеловечности у нас явно распространялась и на вертикальные человеческие отношения, а вовсе не только на «нет ни эллина, ни иудея». Уравнительный идеал, который сегодня лишь слегка забрызган грязью рыночной реформы, никуда не делся. Его основание – вовсе не только общинный крестьянский коммунизм, в котором долго обитало большинство русских, но и религиозные представления о человеке, почти уже неосознаваемые. Впрочем, как и на Западе «теории стратификации» выросли из кальвинистского учения об избранных и отверженных, но это уже давно не осознается. У нас обсуждение общественной жизни в понятиях «элита – масса» наталкивается на внутреннее неприятие, ибо несет на себе отпечаток того религиозного представления о человеке, которое изначально отвергалось православной культурой.

Коллаж Евгения Иванова

Вторая причина в том, что положение элиты в России уже с середины XIX в. носит черты этнического конфликта. А деликатность темы межэтнических отношений очевидна. В России элита не включалась в «народ», - в отличие от феодального Запада, где, напротив, была принята аристократическая концепция, так что народом было как раз дворянство, а крестьяне – нет. Вплоть до революции 85% населения России составляли крестьяне, которые и признавались главным ядром народа. Рабочие тоже причислялись к трудовому люду («Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»). Потомственное дворянство включало в себя всего лишь чуть

более 1% населения, и оно тем более не причислялось к народу, что находилось в симбиозе с крестьянством как управляющее сословие. В народ не включались и чиновники (бюрократия), и интеллигенция. Таким образом, не только элита, но и вся ее «социальная база» исключалась, по общему мнению, из народа. Она была почти иным этносом, живущим на русской земле.

А. Блок написал в статье «Народ и интеллигенция»: «Народ и интеллигенция - это два разных стана, между которыми есть некая черта. И как тонка эта черта между станами, враждебными тайно. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны».

Самосознание элиты было очень неустойчивым – она колебалась между народопоклонством и народоненавистничеством, доходящим до открытой русофобии. В периоды напряженности элита переживала приступы социального расизма. Трудящиеся (люди физического труда) в ответ воспринимали ее как изгоев, а в моменты революционного подъема и как извергов русского народа. Причины этого обоюдного разделения – очень большая и важная тема, одна из главных в русской философии начала XX века. Достаточно назвать сборник «Вехи» (1909), где либерал М.О. Гершензон писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Здесь мы не будем касаться проблемы этого разделения элиты и народа в дореволюционной России, лишь зафиксируем сам факт.

После революции и Гражданской войны основная масса чиновничества и интеллигенции СССР рекрутировалась уже из тех, кто прежде принадлежал к «трудящимся», но в эту элиту, создаваемую на обновленной идеологической матрице, была включена и основная масса старой элиты и ее детей.

Перестроечные сказки о том, что детям дворян и священников не давали ходу и отлучали от образования, давно пора отправить в печку.

Ни одно общество, ни при каком катаклизме не может себе позволить пожертвовать такой огромной ценностью, как накопленный за века элитарный социальный слой. В этом смысле нынешняя реформа стала, пожалуй, одним из самых расточительных для нации «бунтов дна». Советская элита не устранена и не уничтожена – она интеллектуально и творчески выхолощена, что является гораздо более жестоким и долговременным воздействием на механизм воспроизводства нации, нежели террор.

Но мы пока говорим не об этой конкретной ситуации, нам надо построить подмости, на которых может вестись мало-мальски продуктивный разговор.

Итак, вводим понятие элиты – того, что когда-то называлось «сливками общества». В сословном обществе это понятие включало в элиту «верхушки» всех сословий, а в советское время всех профессий. Если бы мы представили себе идеальный социальный портрет элиты старой России (до середины XIX века), то увидели бы на нем фигуры и крестьян, и ремесленников, и купцов, и казаков. Так же и в советское время, в соответствии с новой социальной структурой.

Этот портрет подвергся кардинальной переделке в процессе второй волны модернизации России (вторжение капитализма). К элите стали причислять людей, управляющих общественными процессами – или непосредственно, или через воздействие на общественное сознание. Это практически люди «умственного» труда – бюрократия, предприниматели и интеллигенция. В позднее советское время, покотившись к социал-демократии, а затем и либерализму, наши духовные авторитеты также стали изымать из «портрета» элиты людей физического труда, а затем военных и бюрократию. Поначалу это делалось стыдливо: «Ах, я считаю умного рабочего интеллигентом». Потом все упростилось, рабочих назвали люмпенами и лентяями (впрочем, бюрократия частично восстановила свои позиции).

Сейчас, когда сознание новой элиты уже достаточно оскотинилось, для причисления к ней введен и совсем уж примитивный ценз – уровень материального состояния и доходов.

Полуголодного библиотекаря или учителя к элите не причисляют. Одновременно устранены критерии нравственности - способ получения состояния и доходов не учитывается, воровство в этом плане перестало быть предосудительным. Отброшены и критерии профессионального совершенства, по этому признаку убожество значительной части нынешней элиты не имеет аналогов в российской истории. Факт тот, что реформа подняла и железной рукой внедрила в

элиту самую активную и хищную часть советского социального дна, изгоев и извергов советского общества. Это – особая субкультура, принципиально отвергающая духовный аристократизм и творчество. Такая гибридизация элиты еще очень дорого обойдется народам России.

Теперь о том подходе к представлению о внутренней структуре элит, который стал популярен в последние годы. Ясно, что элита как влиятельный социальный слой, «кормящийся» около управления обществом, принимает самое активное участие или в укреплении существующего общественного строя, или в его смене (путем реформ или революции). Эта деятельность касается всех «инструментов господства» - и администрации, и экономических рычагов, и духовного воздействия. С этой точки зрения предлагалось видеть в элитарном слое общества три противоборствующие колонны. Первую называть просто элитой. Это та часть людей умственного труда, которая и является в данный момент господствующим меньшинством и стремится укрепить данный общественный строй.

Другая колонна – «антиэлита». Это та часть элитарного слоя, которая борется за разрушение существующего порядка, причем вне зависимости от того, что будет построено на его обломках. Из разрушительной страсти антиэлиты не вырастает образа будущего, в котором она превратится в строителей и управляющих. Наконец, третья колонна, «контрэлита», загодя готовится сменить нынешнюю элиту после разрушения нынешнего общественного строя. Она борется с ним, имея в уме проект нового строя и видя себя в качестве нового господствующего меньшинства. Поэтому в интеллектуальных кругах, размышляющих о путях выхода из кризиса, принято в разговоре вернуть фразу о том, что «надо готовить контрэлиту». Даже в манифесте «наших» что-то похожее говорится – мы, мол, будущая элита, мы заменим «пораженцев». Слова туманные, но присутствует мысль о «замене».

Я думаю, эта соблазнительная концепция мало что объясняет. К каким-то кусочкам из мозаики жизни она вроде бы ловко приклеивает ярлыки, но «все не так, ребята». Не разделяются эти три колонны. Скорее в душе любого интеллигента все время идет борьба всех этих трех направлений. У некоторых одно из них резко доминирует, но это – личные качества. Взять, например, А.И. Солженицына. Он, можно сказать, вечная «антиэлита» - всем недоволен, любым общественным строем. То писал книгу «Люби революцию» (потом оказалась «Красное колесо»), то ненавидел Сталина за то, что он произвел «термидор», то ненавидел Брежнева за противостояние Западу – а теперь ругает нынешний режим за то, что он приник к Западу и не сберегает русский народ. И все же труд Солженицына с успехом использовали самые разные, иногда враждебные течения в элите – и «западники», и «почвенники». Значит, элита - система более сложная и динамичная. То же самое можно сказать о тесном взаимодействии элиты и антиэлиты («номенклатуры» и «диссидентов») во все времена, начиная с Брежнева. Перестройку Горбачева они готовили совместно – как их разделить.

Если так, то идею «замены элиты» надо считать не просто утопической, но и тупиковой. Вырастить в каком-то заповеднике новую элиту, которая заменит негодную нынешнюю, невозможно.

Элиту выращивает все общество, оно тренирует ее всеми своими противоречиями, болезнями и ошибками.

Процесс этот длительный и в учебниках не описанный. Его трудно ускорить и вогнать в рамки заданных технических условий. Когда кто-то пожаловался Сталину на советских писателей (работают мало, пьют много, культуры маловато), он ответил: «Других писателей у меня нет». Разумные слова. И другой элиты у нас нет и купить ее мы не можем. Уж как ругали интеллигенцию и справа и слева. В.В. Розанов даже изрек в 1913 г.: «Пока не передавят интеллигенцию, России нельзя жить». Есть в этом частица истины, но не менее истинно и другое – если передавят интеллигенцию, то России не жить. Ну как выскочить из этого заколдованного круга, вот беда.

Я думаю, что элита – такое огромное и незаменимое национальное достояние, что ни одно общество, сохранившее волю к жизни, ни при каких катастрофах и переворотах не может пойти на устранение своей прежней элиты и замену ее на новую. Такую попытку делали только захватчики, замыслившие геноцид народа захваченной страны.

Вспомним историю. Русская революция – крупнейшая по масштабам катастрофическая трансформация общества. Мы много слышали о том, что элита старой России, состоявшая из «дворян, попов и буржуев», якобы была уничтожена. Но ведь это – тупой идеологический миф. Вот вполне научный способ взглянуть на судьбу элиты царской России после Октября 1917 г.

Сейчас многие исторические книги издаются с прекрасными именными указателями, часто с краткими биографиями. Например, книга А.С. Сенина о лидере партии октябристов А.И. Гучкове, который с 1895 г. находился в гуще всех политических событий и тесно общался с множеством виднейших государственных и общественных деятелей России. Именной указатель книги составляет почти половину от текста. Перечисленные в нем персоны – представительная выборка элиты.

Открываю случайно на букву «К». Почти подряд идут такие фигуры. А.Н. Крылов – в царское время председатель правления Путиловских заводов, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-крестьянского Красного флота, лауреат Сталинской премии 1941 г. А.Н. Куропаткин, царский военный министр в 1898 - 1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе. Н.Н. Кутлер, царский министр землеустройства и земледелия, управляющий главными поземельными банками (Дворянским и Крестьянским), зам. министра внутренних дел, с 1921 г. член правления Госбанка РСФСР, разработчик денежной реформы 1922 - 1924 гг.

А вот судьба арестованных 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце министров Временного правительства. По утверждениям В. Солоухина, их по приказу Ленина «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве». На деле все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Военный министр стал начальником снабжения Красной армии. Министр путей сообщения стал видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Третий был в руководстве Центросоюза и преподавал в МГУ. Четвертый «эмигрировал» во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки и в 1943 г. был казнен немцами. Министры свергнутого революцией правительства вошли в высшие слои революционной элиты. Концепция элиты и контрэлиты не подтверждается.

Наконец, катастрофическая антисоветская революция 80 - 90-х годов, которая перевернула всю страну. Контрэлита заменила старую элиту? Ничего подобного! Вот вывод исследования состава новой постсоветской элиты (1993 - 1994): «Лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказались сегодня за пределами круга руководящих работников... Треть партийной номенклатуры сегодня находится на высшем уровне государственного управления, а еще треть занимает командные позиции в экономике. Если чуть-чуть расширить границы элитарных должностей за счет «предэлитных» позиций или «второго эшелона элиты», то мы найдем в этом кругу более 80% партийной номенклатуры» («Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М., 1994).

Каково состояние нашей элиты сегодня? Думаю, все прекрасно знают: она больна, подавлена, переживает мировоззренческий и культурный хаос.

Возможно, ее состояние хуже, чем у основной массы населения, но, думаю, это не так. Просто сознание элиты более подвижно и диапазон ее метаний шире, чем у основной массы, – и это бросается в глаза. К тому же от элиты ждут веских разумных слов и эффективных творческих решений. Надежды эти неосновательны – нельзя ждать таких вещей от больного, тем более с сотрясанием мозга.

У нас в нашем положении один выход – не делая резких движений, пережить болезнь, дожидаться хотя бы снижения температуры. Судьба нам дала поблажку – послала высокие цены на нефть. Ясно, что больного обирают, но хоть что-то ему перепадает и позволяет снизить перегрузки. Данное нам облегчение надо использовать, чтобы упорядочить хаос в сознании на всех уровнях социальной организации. Эта работа должна вестись и по горизонтали, и по вертикали - и внутри элиты, и в ее диалоге с другими частями общества. Но пока что действуют силы, разрывающие пространство диалога – элиту делят на замкнутые корпорации и идеологические группировки, каналы коммуникации между элитой и другими слоями общества практически перерезаны. Старый принцип «разделяй и властвуй», как мы уже говорили, применен с такой интенсивностью, что произошел распад народа, в том числе и отрыв от него элиты. А.С. Панарин писал, что «элита предала свой народ». Но с таким же правом можно сказать, что «народ бросил свою потерявшую сознание элиту в грязь». Речь идет о беде общенациональной, считаться между собой правым и виноватым надо позже, когда отползем от пропасти.

Конечно, кризис и соблазны очень многих толкнули в ряды отщепенцев и извергов – и из числа элиты, и из числа трудящихся, учащих и лиц без определенных занятий. Потери велики и еще будут расти.

Но костяк уцелел, переломы можно срастить, вывихи вправить – если делать это бережно и с чувством ответственности за будущее.

Думаю, для начала надо было бы составить общую «карту» разломов и трещин, которые сегодня разорвали наш народ. И частью этой общей карты будет подробная карта противостояний внутри элиты. По ней и пойдем.